

Валериан МАРКАРОВ

ГОЛУБАЯ МЕЧТА ОДЕССКОГО ЮВЕЛИРА

Казалось бы, утро той пятницы ничем не выделялось из череды обычных дней. Во всяком случае, Натан Львович мог сказать вполне определенно: знамения свыше не было. Даже бесцветный внутренний голос не шепнул ему вкрадчиво спозаранку: «Готовься, дружок! Сегодня случится то, чего ты меньше всего ожидаешь». Напротив! В душе его порхало какое-то необъяснимо радостное ощущение праздника: такое с ним происходило всякий раз, когда в воздухе разливался едва различимый аромат весны, будоражащей чувства от смутного ожидания чего-то возвышенного, и кружили голову грёзы о сладком будущем, полном светло-розовых оттенков, подобных лучезарной заре. Да и сон, навеянный буйством богатой фантазии, нынче снился ему дивный: то была страстная, безумная ночь с очаровательной «лялечкой», заставившая его измощенное сердце биться в усиленном режиме. Счастливый, он размяк в жарких объятиях пассивности и медленно наблюдал за тем, как матовая луна настойчиво рвётся в его одинокое окно, как скользит её свет по молодой, невероятно упругой, гладкой коже, пахнувшей ароматом роз, и явственно ощущал, как потоки неведомой энергии наполняют его разбухшие вены и приятная нега разливается по телу. Но чарующее видение растворилось под натиском нового дня, хоть он ещё слышал все голоса и звуки этой ночи, помнил на вкус все чувства, которые ему довелось испытать: неукротимое желание, юношескую робость, возбуждение, дикий порыв, страсть, боль, нежность и восторг — у каждого из них был свой собственный запах и вкус...

Натан Львович потянулся в постели в ленивой истоме, потом нехотя поднялся, протёр тяжёлые веки, нашарил пухлой белой ножкой тапочки, раздавленные плоскостопием, обулся и, шаркая, поспешил в ванную комнату. Выполнив после долгого сладкого сна неотложные утренние дела и напялив очки, он стал задумчиво обозревать своё отражение в зеркале над умывальником. Венец редких волос с проседью окружал его череп цвета слоновой кости — н-да, вот они, никчемные, жалкие остатки некогда пышной, кучерявой шевелюры. По обе стороны черепной коробки, словно ручки у чашки, торчали большие уши. Кожа со скоплением родимых пятен на выбритом лице напоминала выцветший пергамент, зато вот рот с идеально белыми, без потемнений и трещин, вставными зубами, разделёнными сбоку золотой фиксой, оставался с виду молодым, если не брать во внимание сильно обнажённые при улыбке дёсны и мясистые губы, нижняя из которых с завидным упрямством выступала вперёд. Впрочем, губы были предметом его особой гордости, он считал их восхитительными: полными, чувственными, зовущими...

— Не сегодня завтра шестьдесят, но ещё ничего, выгляжу таки на полтинник! — успокоил он себя, погладив узкое, длинное лицо, покатый, будто зажатый в тиски, глянец лоб, и почесав свой «шнобель», который загибался на самом кончике и напоминал сбоку удлиненную кверху цифру шесть.

В кухне, весело насвистывая, он поставил на плиту чайник, а потом, со знанием дела, стал готовить себе яичницу. Нарезал брусками три полоски бекона из свиной грудинки, разогрел сковороду и обжарил его с обеих сторон в течение трёх минут.

— Ну да, бекон! И шо с того?! Я могу кушать, шо захочу, ить я таки не еврей, хоть и выгляжу интеллигентно! — в который раз говорил он самому себе, будто оправдываясь. — Да, я сын Льва Моисеевича Зильбермана, но мама ж у меня русская!

Родителей его давно уже не было среди живых. В детстве они ходили в одну школу и даже имели счастье сидеть за одной партой. А потом, окончив школу и техникум, создали новую ячейку общества. Натан Львович частенько вспоминал рассказ мамы: «Аллочка, детка, как жаль, шо ты не еврейка! — сказала ей будущая свекровь на дне рождения своего сына в тот самый момент, когда она, ещё школьница, кушала клубнику после биточков из тюльки. — Такая чудесная девочка — и не еврейка! Отличница, красавица и не еврейка! Ты бы могла пойти замуж за Лёлю, када вырастешь, но даже када ты вырастешь — ты не будешь еврейка! Это так нехорошо... Еврей может спать с русской, и русская женщина останется таки им довольна, но он не может жениться на русской... Мойша, шо ты меня одёргиваешь, ради бога?! Не одёргиваешь? Тогда убери мнение со своего портрета! Она взрослая, у неё уже пионерский галстук! Такая хорошая девочка, умница, жаль, шо не еврейка, ви с Лёлей такая прекрасная пара!»...

Потрясающий аромат поджаренной корочки бекона отвлек Натана Львовича от мыслей о прошлом. Он добавил в сковороду ломтики помидора. Ровно через минуту влил туда же парочку взбитых яичек, немного посолил и поперчил, после чего накрыл яичницу крышкой и встал над головой в ожидании, что она начнёт пытеть, шипеть и расти, как гриб под дождём. Вскоре, заняв место за столом, он принялся поглощать дымящийся завтрак, быстро, со рвением, помогая себе ножичком — любо было смотреть! — и закусывал поджаренным чёрным хлебом со сливочным маслом и дырчатым швейцарским

сыром. «Работа не волк — в лес не убежит, а коль здоровье потеряешь — никакой наукой не вернёшь. Так-то вот, хе, хе, хе...» — заключил он и засмеялся собственной остроте. Его рука потянулась за кофе, крепким, ароматным, правильным — как-никак, а в турке аж три раза поднялся! А в придачу к кофе — всё было, как положено: сахарок, сливки и булочка, пахнувшая, как счастливое детство. Потом Натан Львович вынул из пачки сигарету, чиркнул привычным движением спичкой о коробок, и вспыхнул красный тюльпан пламени. Он глубоко и со вкусом затянулся. Дым приятной волной ушёл в недра Натана Львовича. На душе полегчало, и жить стало веселее, жить стало интереснее.

Старый и, пожалуй, единственный друг Иннокентий, полностью разделявший его представления о мире, крепко спал в клетке с прутьями из нержавеющей стали, накрытый тёмным шёлковым платком.

— Кеша, — позвал Натан Львович, срывая платок с большого говорящего попугая ара, — я и забыл за тебя, старый я дурак!

— Дур-рак! Дур-рак! — заорала голодная птица и захлопала крыльями. — Жр-рать! Жр-рать давай!

Да, манеры у зеленокрылого Иннокентия были плоховаты, но и голод не тётка. Натан Львович бросил птице жменю семян пшеницы, овса и подсолнуха. С ловкостью воздушного акробата та повисла на перекладине вниз головой и проскрипела, закатив глаза: «Обед др-рянь! Мор-рау бить буду!»

— Ша! Ты ещё тут будешь балаболить! — буркнул Натан Львович. — Заткнись и хавай, шо дают, попка!

— Сам попка! — заорал попугай, топорща перья и прыгая на жёрдочке. — Сам попка!

— Цыц, нахлебник! Плесни у рот холодного компота и выпусти пар из ушей. Да не забудь присматривать за домом как следует, пока не вернусь.

Вымыв шею и наведя «марашет», Натан Львович водрузил шляпу туда, где ей полагалось быть, и, переступив порог своей однокомнатной квартиры в панельной пятиэтажке, старательно притянул за собой тяжёлую дверь, пока откуда-то снизу не раздался тихий, но отчётливый щелчок потайного замка. Потом, как обычно, он долго возился со связкой ключей: запирал верхний замок на два оборота, а нижний — на три, и энергично дёргал ручку двери, чтоб удостовериться, что она надёжно заперта. Ну вот, теперь таки порядок, успокоился он. Не абы как! А то, того и гляди, входи кто хош! Бери, шо хош!

С этой мыслью он, слегка сутуловатый человечек, одетый галантерейно, «по фасону», в бархатный костюм и лакированные ботинки, стал спускаться по лестнице с третьего этажа, перебирая по-детски коротенькими ножками. Кругленькое брюшко придавало его фигуре шарообразный, комический вид, делая его похожим на большую перезревшую грушу в шляпе, надетой на один бок. Уже много лет он заказывал обувь у известного сапожника Ашота, который делал выше не только каблуки, но и изготавливал особую стельку, и та прибавляла к росту Натана Львовича несколько лишних сантиметров, за которые приходилось переплачивать Ашоту втрое дороже — ему казалось, что так он выглядит гораздо значительно в глазах окружающих.

Наконец, он выскользнул через парадное во двор, где всё было навыворот, всё как не надо. Здесь соседи, шоб они сдохли, трусили пыльные турецкие ковры и «сохнули белё», а ихние шпингалеты катали в маялку, жмурки, хипшились: «Шухер!» — и орали песню, которую прилично петь только взрослым, да так громко, шо аж очи им на лоб вылазили. А кто-то беспрерывно пикиал на скрипке, давая концерт вживую — ну прям не дом, а союз композиторов какой-то! Тьфу! Он в последний раз бросил взгляд на шумный двор и, мысленно послав всех к гостеприимной Бениной маме, аккуратно попал на улицу.

Идя вдоль тротуара и размахивая потёртым кожаным чемоданчиком в правой руке, Натан Львович наслаждался прекрасной погодой, установившейся нынче в Южной Пальмире: каждый вдох доставлял ему наиприятнейшее удовольствие. Его кожи ласково касался лёгкий бриз, дувший с порта, где господствовало вечное оживление и кипела лихорадочная деятельность: уставшие докеры там грузили и разгружали сухогрузы и торговые суда, стоявшие правильными рядами на искристой поверхности Чёрного моря, отражавшей, как в зеркале, лучи южного солнца; подъёмные краны то и дело вздёргивали ввысь огромные грузовые сети, заполненные ящиками, бочками и целыми контейнерами; смачно переругивались заносчивые водители грузовиков, гордые таксисты и дышащие вчерашним перегаром грязные биндюжники, которым ещё не подфартило стать таксистами. А он, Натан Львович, шёл своей дорогой и вкушал аромат растущих рядом кустов сирени; магнолии цвели яркими розовыми, фиолетовыми и белыми цветками, их лепестки веером осыпались на тропинки и тротуары. Распустились фиалки, нарциссы и тюльпаны, пели птицы. Ему было хорошо от этой красоты, он даже на мгновение упустил из виду, что находится в городе. Хорошо, что сегодня ему не встречались на пути ни сумасшедшие мамы с колясками и крикливыми чадами, ни заядлые собачники с их лающими псынами. Детей и собак он на дух не выносил, особенно собак — они питали к нему стойкую неприязнь и так и норовили цапнуть за то место, где спина заканчивает своё благородное название. Он остановился у неказистого с виду здания общепитовской кафешки под названием

«Лиман», мысленно задав себе вопрос «а сколько время?», и вынул из жилетки карманные часы в круглом серебряном корпусе, с длинной цепочкой, прикреплённой сверху к заводному колёсику, и крышкой, с обратной стороны которой была выгравирована надпись «Дорогому Натанику от папы»... Циферблат показывал три четверти девятого: то бишь время позволяло не торопиться, и Натан Львович со спокойной совестью нашарил в кармане засаленную конфету «мишка косопалый» и неторопливо отправил в рот. Повертев в руке шуршащую обёртку, он незаметно бросил её под стоявшую рядом скамью. Непростительные так хулиганство для человека его лет и профессии!

— Пастой, пастой, мушчина! — раздался вдруг чей-то пронзительный голос с характерными интонациями. — Эй! Ты оглох, что ли? Пастой минутку!

Натан Львович обернулся — а там картина маслом! В метре с небольшим от него, придерживая рукой шёлковую юбку, алую с зелёной оборкой по краю, нарисовалась самая настоящая цыганка с разноцветной шалью на плечах, с целой копной блестящих чёрных кудрей и в пёстрой косынке. Ну, как вам это нравится?

— Дарагой! Дай свою ладонь: всю правду о тебе скажу, что было, что будет! Ничего не утаю!

Натан Львович тихо чертыхнулся, сочтя вторжение в свою приватность актом дикой беспардонности. Вот только цыганки ему не хватало для полного счастья! Не то чтобы его не волновала собственная судьба, скорее всего, тут сыграло роль строгое внушение, сделанное ему взрослыми ещё тогда, когда он был маленьким мальчиком. Правило первое гласило: «Натаник, деточка, заруби себе на носу: никогда никому не верь, ни газетам, ни радио. Никому, кроме мамы и папы! И ничего нигде не подписывай на бумаге». Правило второе: «Никогда не разговаривай с незнакомыми людьми на улице». Правило третье: «Держись подальше от всяких подозрительных типов». Цыганка, разумеется, относилась к тем самым подозрительным личностям, о которых ему говорила его бедная мама. И она так всегда была права! Да и в жизни своей довелось Натану Львовичу наслышаться всяких историй от знакомых, имевших несчастье поддаться на цыганскую удочку: они рассказывали, что во время общения с бродячими мошенницами каким-то необъяснимым образом лишались рассудка, денег и других материальных ценностей, которые у них были при себе. А наемники довелось ему разговаривать за эту тему с Абрамом Моисеичем, старым «академиком» со второго этажа, любившем напустить на себя вумный вид, за что соседи звали его меж собой «профессором кислых щей и солёных огурцов». Так вот, «академик» растолковал Натану Львовичу сей странный «фэномэн» без особого труда, сказав, что цыгане, виртуозно владея искусством гипноза, через прикосновения к руке, через «заговаривание зубов» ублачивают сознание у своей жертвы с целью отключить левое полушарие мозга, отвечающее за оценку ситуации, контроль над поведением.

— А шо такое, Абрам Моисеич? Почему тока левое? — на всякий случай поинтересовался тогда Натан Львович.

— Так ведь вся фишка в том, любезный сосед, что правое полушарие им нужно для «дела». Оно же отвечает за чувства и воображение, — глаза «академика» вдруг стали совершенно круглыми, он вытянул свою тощую морщинистую шею и напоминал теперь болотную птицу. — В тот самый момент, когда несчастный расслабляется, цыганка монотонно и быстро что-то говорит, не всегда разборчиво, стараясь перегрузить его мозг. Под действием потока непонятных слов человек отключается, перестает оценивать реальность и движем одними эмоциями. Уж поверьте мне, когда он в таком плачевном состоянии, им можно управлять, как зомби... Это я вам на полном серьёзе говорю... Тут двух мнений быть не может.

— Я дико извиняюсь, многоуважаемый Абрам Моисеич, но тут спрашивается вопрос: как же бить, если вдруг, мало ли, сам оказался в таком пренеприятном казусе? — неожиданно, прерывистым от волнения голосом, поинтересовался Натан Львович.

— Что же это вы так тревожитесь? Неужели за миллионы свои переживаете? — вроде бы решил успокоить соседа «академик», однако взглянул на него так пытливо и лукаво, да и лёгкая, чуть насмешливая улыбка появилась на его губах, что Натан Львович слегка растерялся и побледнел.

— Я вас умоляю, Абрам Моисеич! Да шоб ви так жили! Не скажу за кого-то, но сам я живу скромно, деньгами направо-налево не фицкаю. Зарплата простого советского ювелира, сами знаете, не фонтан! Вот и выходит, шо вкальваю на унитаз. Правда, не жалуюсь: на грудь не беру, одет и обут. Ну вот представьте ви себе: бил бы у вас большой и шикарный дом. А его надо содержать, ухаживать, следить, шоб не ограбили. Оно вам сильно надо? Мине нет! И с собой не возмёмшь, и за тобой не понесут... Простите, если я шо-то не так ляпнул... Кстати, за птичек, Абрам Моисеич, так шо ви скажите: существует ли какой-нибудь хитрый и надёжный приёмчик, шоб, как говорится, не попасть впросак?

— А я знаю? Да вы просто обходите этих цыган стороной, избегайте с ними контактов. Не останавливайтесь, не смотрите им в глаза, не вступайте в разговор. Идите себе с богом, где вы шли, так и дело с концом...

— Спасибо, Абрам Моисеич. Шоб вам ещё сто лет не лабали Шопена! — воскликнул Натан Львович и долго тряс руку соседа с такой силой, как будто хотел её оторвать. На том

они тогда и расстались, «Акадэмик» ушёл... Ну, оно и понятно. Шибко занятой человек этот «акадэмик», и строит из себя невесть что! Балалайка бесструнная!

Тем временем цыганка, пользуясь минутным замешательством Натана Львовича, уже схватила его за руку.

— Дай-ка, дарагой, посмотрю, что тебе на роду написано...

Звякнули весело золотые браслеты, зашептались шелка и затряслось потемневшее от времени увесистое монисто на высокой цыганской груди, от которой исходил терпкий аромат таинственных восточных пряностей. Натан Львович, помня заумные рекомендации Абрама Моисейча, предпринял решительную попытку освободиться от цепких пальцев с массивными перстнями из тусклого жёлтого металла. Поэтому, когда ему удалось оторвать от себя «грабли» липучей цыганки, он тут же взял ноги в руки и, усиленно потея, засеменил по дорожке, бросив на ходу: «Время нет!» Цыганка шла следом, не отставая ни на шаг.

— Ах, какой шустрый оказался! — качала она головой. — По всему видно, касатик, на работу спешешь. И кем же ты, дарагой, работаешь? Хочешь, угадаю? Только ты не скупись, сперва посеребри руку, — потребовала она, протягивая грязную ладонь.

— Да, щас! А пирожку не хочете? Ступайте на майдан, мадам, там отыщите лоха и пойте ему своё «Ай, нанэ, нанэ!» — ответил он сердито. — Всё равно денег не дам. А если вы хотите скандала, та я сделаю скандал и будет вам весело...

— Мушчина, не жмотничай! Слышал, что жадность фраера сгубила?

— Пардон! Здесь вам нечего ловить! Нет денег, ферштейн?

На лице цыганки удивленно изогнулись брови.

— Ай-яй-яй! Нехорошо, дарагой! — заверещала она. — Страшный грех берёшь на душу. С золотом да брульянтами дела имеешь, а говоришь, денег нет?!

Натан Львович насторожился, оторопел и, наконец, замер как вкопанный, пытаясь переварить услышанное. Этого не может быть. Откуда ей знать, чёрт возьми, чем он занимается? Кто ей рассказал? Он повернулся к цыганке с неммым вопросом, его руки подрагивали от волнения.

— Ждёт тебя дарога дальняя, мушчина, — изрекла цыганка, глядя на него в упор своими чёрными очами. — Дорогие хоромы на берегу горячего моря-океана. И ненасытная в любви девушка-красавица...

С каждой минутой Натан Львович всё больше осознавал, что слова гадалки начинают интересовать его сильнее и сильнее. Он протёр глаза и для верности даже подался вперёд, к чёткому фокусу — эх, зоркость уж не та, что прежде, подводить стала, каналья.

— Да вот только не видать тебе ни дороги той дальней, ни хором княжеских, ни счастья с пылкой девушкой-красавицей... — цыганка упрямо качнула головой, туда-сюда качнулись тёмные пряди и золотые кольца в ушах.

— Шо значит не видать?! — удивлённо воскликнул Натан Львович, взмахнув руками. — Не морочьте мне голову, мадам!

— Я ничего не вижу... — убежденно повторила она. — Зато вижу что-то другое...

— Шо? Взялись, так говорите! — вспылал он. — Аль цену себе набиваете?

— Конец твой вижу, вот что! Вижу, что смерть тебе дышит сюда, — женщина постучала пальцем себе в затылок! — А всё как-никак не напрасно, всё потому, что твои дела и помыслы не всегда чисты были...

— Ой, не делайте мне смешно. Какая смерть? Да мне ещё жить да жить! А ви себе думайте, шо хотите.

Цыганка посмотрела на него с упреком и сожалением и неожиданно молвила:

— В бога веришь, мушчина? Помолился бы ты на икону.

Натан Львович верил, и верил невероятно усердно, в своего только бога — в госпожу удачу. И молился он ей так, как не всякий умеет молиться! А она неизменно улыбалась в ответ, посылая ему фарт за фартом в жизни, что порой вызывало в нём вопрос: а не слишком ли много на мою долю? Но сейчас ему совсем не хотелось пускаться в откровения. Он молча засопел, брови его приподнялись, жила на лбу надулась, а нижняя губа выпятилась так сильно, что стала длиннее его «шнобеля».

— Выходит, не веришь. Тогда никто не станет тебе помогать. Нету веры — нету защиты!

— Ша! Бросьте этих глупостей и идите, где ви шли! — взорвался он, затопал ногами и стал махать руками. — Та ви уходите, слава богу, или остаётесь, не дай бог?

— Мне твоих денег не надо! — обиженно произнесла женщина. — И руку твою я не смотрела: у тебя и так всё на лбу написано.

— Ой, я вас прошу!

— Скажу только одно: хочешь быть цел-невредим, не ходи вечером в дом. Иначе не видать тебе завтрашнего дня как своих ушей!

— Мадам, не смешите ви мои тапочки!

— Запомни, не ходи! — зывала к нему цыганка, потихоньку отставая. — Всё в твоих руках...

Проморгавшись, Натан Львович поискал взглядом цыганку. Но той уже и след про-

стыл. На всякий случай он проверил карманы и успокоился, выяснив, что его тёмно-коричневый лопатник на месте. А то ить могла влезть в карман, сцапать его и красиво, без шума, слинять. Знаем мы таких, не лыком шиты. А сам-то, сам! Вроде не фраер, а поехал таки мозгами, как килька безмозглая! Поверил, кому? Грязной цыганке, которая, должно быть, и читать-то не умеет! Ишь, нагадала ему, шо он взял и окошел посреди полного здоровьечка! И уже готов, огурчик, шоб его несли хоронить с певчими. Но ей-то невдомёк, шо у него усё в ажуре. И официальное заключение доктора имеется не далее как недельной давности, где чёрным по белому написано, что он, тов. Зильберман Н.Л., 60 лет, никакими хроническими заболеваниями не страдает, патологий и иных изменений жизненно важных органов не имеет. Так что не дожждётесь! О странной цыганке он больше не думал: не хватало ещё себе всяким фуфлом голову забивать.

Ближе к вечеру, после работы, Натан Львович заглянул в гастроном. В его узком пространстве между ящиками с напитками жались друг к другу несколько покупателей, ожидавших, когда их обслужит медлительная продавщица с массивной филейной частью, завсегда причитавшая: «Вас много, а я одна!» Невзирая на хамоватых, злобных тёток, он чинно отстоял очередь за докторской колбасой и «Юбилейным» печеньем, чтоб никто не посмел сказать: «Мужчина, куда вы прёте? Вас тут не стояло!» И взял себе пачку сигарет «Ява». Затем пошёл на Привоз делать базар, где тщательно щупал, нюхал и массажировал помидоры. Потом засеменил к молочному прилавку, чтоб испробовать сметану — а то моду себе взяли разбавлять сметанку дешёвым кефиром! Зильбермана ви не обманете! Зильберман понимает на хорошую сметану!

Купил жёлтую, с розовым оттенком, курицу на кило з гаком, именно курицу, потому что торговка в грязном халате хотела подsunуть ему жилистого петушка (пусть она кушает их сама!), надменно ответил на его вопрос: «У вас куры свежие?» — фразой «Они давным-давно свежие, папаша!» Что дало ему повод долго заглядывать в пустые и мутные глаза птицы, приоткрыв ей клюв (внутри не должно быть слизи или вонючего запаха) и подозрительно обнюхивать гузку — мало ли, а то, не дай бог, ещё и в аптеку за углём придётся бежать. А, кстати сказать, люди, в честь чего это куры сегодня не полтора рубля, а два, в честь чего?

— Или покупайте, или идите мимо, гражданин, не делайте мне беременную голову! — возмутилась торговка. — Мой товар. По сколько надо, по столько и торгую...

Вздыхнув, решил таки купить. А шо делать? Вот раньше приличные куры, так за рубль имели за счастье. А шас! С ума сойти! Полтора рубля за это сухожилие им мало! А напоследок всё же не сдержался, похипешил с «королевой прилавка», подожившей под тушку шмат серой бумаги для увеличения веса. Разумеется, он понимал, что куриная торговка никого не думала обидеть, она просто хотела немного подзаработать! Ведь воруют все кому не лень, кто как может! Вся страна ворует, начиная от партийной верхушки — потому как рыба гниёт с головы — до простых рабочих, не имеющих доступа к дефициту: и они пытаются дорваться до приличных вещей, до вкусной еды и достойного отдыха. И вынуждены таскать с производства гайки и винтики, хозяйственное мыло, сосисочный фарш, туалетную бумагу, повсюду переплачивать и искать «нужных людей». А всё почему? Да потому, шо давно уж пора в стране систему производства менять, сделать её, как у буржуев, по принципу: «деньги — товар — деньги», чтоб каждый мог свободно пойти и купить, шо его душе надо. А то ить как получается: шо там, на Западе, называется свободным предпринимательством, тут считается незаконным обогащением. Вот взять хоть бы те громкие дела «цеховиков» и «артельщиков». Ну, шили люди шубы за спиной у плановой экономики. Так и пусть бы себе и шили с пользой для кармана и на благо всего советского народа, а им за это — аж восемь лет на зоне с полной конфискацией имущества или бесплатный проезд на Кольму.

А ить и ему, Натану Львовичу, ювелиру шестого разряда, постоянно приходится крутиться, шоб делать деньги. А куда деваться? Уже много лет он одержим великой идеей обогащения, из-за чего превратился в человека, для которого деньги стали главным стимулом жизни. И для реализации своей цели не останавливался он ни перед чем. Не будучи обременённым высокой моралью, мог запросто сотворить мастерскую подделку под старину, да такой шедевр, что не всякий большой специалист отличит от подлинного антиквариата, и сбьёт её затем за хороший куш богатенькому лоху, да тока аккуратненько, чтоб не терять бдительность, не спалиться и не облажаться, как последний поц, и не погибнуть через глупость! Ещё отец, с юности обучавший его ювелирному мастерству, говорил ему, опрокинув в себя хорошую стопку водки: «Запомни простую истину, сынок, человеку только стоит захотеть, и он всё может сделать. Абсолютно всё... Но никогда большие деньги лёгким путем не достаются. Всегда приходится чем-то рисковать. Потому что лучше быть богатым и здоровым, чем даже бедным и больным...» И Натан Львович рисковал, но прежде задавал себе неизменный вопрос: «А шо я из этого буду иметь? Дулю с маком и усё?» Почувяв запах шальных денег, очень больших, у него начинала сладко кружиться голова. И тогда он не брезговал ничем, даже скупкой краденого. Получается, в панибратские отношения с бандитским миром вступал! Но игра стоит свеч, если приз в ней слишком велик.

Вернувшись домой, Натан Львович окинул взглядом квартиру и, убедившись, что у него ничего не пропало и всё лежит на своих местах, как он оставил, когда уходил, отправился на кухню. Будучи совершенно довольным собой и напевая «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», он надел цветастый фартук, собираясь готовить ужин. Сперва он думал нафаршировать овощами курицу, но, поразмыслив, что придётся повозиться, отделяя кожу от мяса, а само мясо — от костей, решил обойтись приготовлением супа. Перво-наперво, птица была опалена, выпотрошена и вымыта. Ниже грудки с ювелирной точностью было проделано два надреза, куда аккуратно заправлены пучечки, пышные, как у соседки Розы Соломоновны, а крылышки подогнуты к спинке. Чтобы бульон вышел понаваристей, тушка была опущена в кастрюлю с холодной водой. Туда же были добавлены потрошки: сердечко, печёночка, пупочек. Большая луковица — целиком, чтоб, когда разварится — выбросить. За луковицей последовали две большие морковки, почищенные и разрезанные пополам. И, конечно же, хорошему вкусу не помешает пара зубчиков чеснока и немножко травки для вкуса: два корешка петрушки и корешок сельдерея. Кастрюля была оставлена в покое на малом огне, пока курица не дойдёт. Раз базарная торговка цену на товар не сбросила, значит, сварится быстро, менее чем за час: ткнёшь её вилкой в белый зад и поймёшь, готова ль барышня. После чего Натан Львович положит в кипящий бульон жменьку риса, посолит и поперчит и через четверть часа наполнит живительным супом с крупно накрошенной свежей зеленью свою большую чашку. И вперёд, с сухариками, причмокивая вставными зубами, как французская буржуАзия на курорте!

Засылав звон посуды, доносящийся из кухни, попугай Иннокентий проснулся, почти по-человечески потянулся, зевнул. И, захлопав от радости крыльями, заорал:

— Файв-о-клок! Файв-о-клок! Файв-о-клок! — и картинно отставил в сторону одну ногу, как певец на сцене у белого роюлю.

— Как ваше ничего, Иннокентий? — спросил его Натан Львович и, пройдя мимо, направился напрямиком к бельевому комоду, стоявшему в углу. Отодвинул его от стены, после чего встал на одно колено и приподнял половицу. Под ней лежала коробка, похожая на ларец. Крякнув «своя ноша не тянет», он обтёр её фартуком и поставил на обеденный стол. Иннокентий имел счастье жить со старым ювелиром многие годы и хорошо знал, что за этим последует. Сейчас хозяин, превратившись в эдакого Гаруна-аль-Рашида, сказочного багдадского халифа, сядет за стол, спиной к окну, и нацепит на нос тяжёлые очки с толстыми линзами в роговой оправе. Перво-наперво он извлечёт из ларца коробочку поменьше, круглую, из-под монпансье, осторожно откроет её и начнёт перебирать пинцетом свои драгоценные экспонаты: будет рассматривать их через старинную ювелирную лупу, глядеть на просвет, взвешивать в ладонях, нежно поглаживать и ласкать. Так он может провести не один час, любуясь, как замороженный, бесценными созданиями природы и рук человеческих; сие занятие превратилось в многолетний причудливый ритуал: каждый вечер проводить наедине со своими камнями, тщательно их охраняя от постороннего глаза. Мысль, что кто-то другой, кроме него самого и Иннокентия, увидит эти богатства, притронется к ним, казалась хозяину не просто пугающей, но кошунственной.

— Гляди-ка, Кеша. Кака прэзельсть! Вот это... — он поднимал вверх массивный перстень с огромными бриллиантами...

— Пиастры! Пиастры! — ликующе кричал попугай.

— Это не пиастры, Кеша. Слушай меня ушами! Это — наш новый дом на горячем берегу Кипра. С роскошным садом, с лужайкой. Ну как, тебе нравится? А шо ты имеешь сказать за шале в Швейцарии, где озёра, Альпы и французы, а?

Ответа не последовало, и в комнате повисла тишина. Было слышно лишь, как идут настенные часы с кукушкой над головой хозяина. По выражению лица Иннокентия Натан Львович понял, что тот силится понять, о чём его спросили. Бережно положив изделие на стол, ювелир вытащил из кармана жилетки носовой платок и вытер им вспотевший лоб и лысину на затылке. И вдруг, почуввав спинным мозгом недоброе, резко обернулся и как сумасшедший метнулся к подоконнику, на котором стояли цветы в плетёных горшках — пышные глоксинии, герань, фиалка. За раскрытым настежь окном, переминаясь на ветке и кося глазом, сидела старая ворона и внимательно наблюдала за всеми действиями Натана Львовича. Казалось, она выжидала, когда хозяин дома отлучится, чтобы влететь в комнату и схватить то, что так причудливо блестело и переливалось всеми цветами радуги на его столе. «Кыш отсюда, мерзавка!» — прошипел Натан Львович, ошалело взмахнул рукой и стал закрывать окно. Ворона хрипло каркнула и тяжело оттолкнулась от закачавшейся ветки.

— А вот этот бесценный алмаз есть фамильное сокровище князей Юсуповых, — вернувшись к столу и вооружившись пинцетом, продолжал он, поднеся великолепный камень к лицу и рассматривая его со всех сторон в лучах настольной лампы с матовым зелёным абажуром. — Чуешь, Иннокентий, какой он прозрачный, без единого изъяна? Как отликает удивительным розовато-лиловым цветом! Настоящий царь камней! Помню, когда впервые взял его в руки, то сразу понял — это ж удача — раз на тыщу лет! Почувствовал магическую силу, охватившую мой мозг, ощутил неимоверное желание обладать этим сверкающим искристым камнем, созерцать его вечно, не выпускать из рук ни на мгновение.

Пишут, эта реликвия несёт в себе роковое проклятие, имеет дурную славу, но то слухи, Кеша, не более. Кстати, я говорил тебе за него? Да, урвал у залётного фартового! Почему залётного? Та потому, шо усех честных фраеров я таки знаю в лицо. И потом, если кто-то предлагает мне шо-то за гроши — я беру и не спрашиваю глупого вопроса, откуда таки взялась эта штучка. Правда, тот Лёва с Могилёва клялся и божился, мол: «Моё, родное! От сердца отрываю! Сын болеет — срочно деньги нужны. Ну так что, берёшь, дядя, или как?» Деньги ему, видишь ли, были нужны! А кому сейчас не нужны деньги, а, Кеша? — Натан Львович поднял брови и взглянул на попугая. — Чем больше бабла, тем легче жить! Нема бабла — не будет ничего, тока тяжёлая серая жизнь. Та не жизнь это — мучение в аду! — Иннокентий молча следил за привычными действиями хозяина. Казалось, временами он даже задерживал дыхание, боясь помешать его работе. — Ну-ну, Кеша, давай, смотри, любуйся на здоровье! Но делай это не торопясь, а с наслаждением! Спешка в нашем деле недопустима — драгоценные камни требуют степенного к себе отношения!

Он погрузил руку в ларец и стал извлекать на свет божий прочие свои сокровища: то были табакерка с великолепным изумрудом огранки «овал» изумительного зелёного цвета, усыпанная жемчугом пудреница в массивной золотой оправе, платиновая брошь, украшенная сапфирами, два бриллиантовых кольца, серьги, роскошное ожерелье с бриллиантами весом в три карата, уникальное рубиновое кольцо и, наконец, футляр из малахита с роскошным пасхальным яичком. Внутри яичка, покрытого белой эмалью, имитирующей хрупкую скорлупу, находился желток, а в нём — курочка, изготовленная из золота, в которой пряталась рубиновая корона неземной красоты. В самой же короне был спрятан нежнейший кулон с миниатюрным сердечком.

— Это Фаберже. Великий князь Андрей Владимирович заказал у мастера эти вещицы для знаменитой балерины Матильды Кшесинской. Знал, чем купить барышню! Ну, скажи на милость, какая юная мадемуазель откажется от яичка ручной работы? А ты глянь, глянь, Кешка, на это кольцо! Скажи, что оно не божественно! Какой поток искр и переливов, фейерверк отшлифованных граней, завораживающее глаз колдовское сиянье... Именно с этой висюлькой Кшесинская танцевала в балете «Дочь фараона». А у ней ноги, скажу я тебе по сэкрэту, росли даже не от груди, а от зубов...

Только полный идиот мог поспорить с утверждением, что горизонты жизни Натана Львовича вырисовывались совершенно безоблачными. Но, к несчастью, обладая большим состоянием, он не мог распорядиться им в открытую. И потому всю жизнь, каждый день и минуту воспламенял своё неукротимое воображение мечтой навсегда слинять за границу, в другую страну, где смог бы, наконец, насладиться истинной свободой и полнейшей праздностью. Где он всенепременно займёт шикарный дом на берегу моря-океана, заведёт себе идеальную молодую любовницу: стройную, как тростинка, белую, точно обмытую в молоке, розовеющую от любви, как утренняя заря, поражающую взгляд, как Матильда Кшесинская, своей неземной красотой, обаянием играющей перламутром улыбки и, понятное дело, живую и горячую, как пламя вулкана. С ней будет он предаваться шаловливым играм, доходящим до полного безумия. А она разбудит его страсть, откроет перед ним пучину чувственных наслаждений, отдастся ему вся, без остатка, от чего он, Натан Львович, внезапно помолодеет, окрепнет телом — годков двадцать с костей долой, словно в реке искупался, в живой воде, и возродится как Феникс. Эх, всю жизнь мечтал он о такой любви...

Эту прекрасную цель считал он своей жизненной миссией, а накопленные сокровища — тем самым счастливым билетом в другой, роскошный мир. С каждым новым днём, с каждым часом и минутой его цель приближалась к нему, и вот осталось совсем немного... и счастье близко... Он едва в это верил, а иногда всё это казалось ему сном. Но драгоценности, лежавшие перед ним, были доказательством более очевидным: у него всё получится, остановить музыку уже невозможно. Та не награда ли это за все его прошлые мучения? Натан Львович сладко потянулся и крикнул. И в этот самый момент случилось то, чего он меньше всего ожидал: что-то тяжело ударило его в затылок и, не успев ничего понять, он рухнул на пол с дыркой от свинцовой пули в голове. Смерть его наступила молниеносно. Несметные сокровища, разложенные на столе, были обильно забрызганы кровью. В кухне, на газовой плите, отчаянно булькал белый куриный отвар и тонкими пенными струйками переливался за край кастрюли, а в повисшей тишине вечернего часа стали слышны истошные вопли зеленокрылого попугая Иннокентия, который размахивал крыльями и кричал: «Кап-пец на хол-лод-дец! Фин-нита ля ком-медия!»

Минуту спустя из парадной дома напротив вышел неприметный человек с чёрным футляром для гитары за спиной. Он дошел до поворота, оглянулся назад и убедился, что дома уже не видно. Пройдя еще немного, он остановился, потому что зазвонил его сотовый телефон. Он ответил:

— Как дом шийсят?! Разве не пийсят, третий этаж, квартира восемь? Что значит ошибочка вышла?

На том конце провода ему что-то прокричали. Человек с гитарой сплунул на землю, затем развернулся и пошёл в обратную сторону, чтобы выбрать позицию, откуда будет удобнее поразить нужную цель...